
Анастасия Столярова
Все помнят
Кэтрин

Ася Столярова

Все помнят Кэтрин

«Автор»
2026

Столярова А.

Все помнят Кэтрин / А. Столярова — «Автор», 2026

В небольшом английском городке Иствуд все знают друг друга. Здесь помнят старые обиды, хранят семейные тайны и предпочитают не задавать лишних вопросов.Двадцать лет назад бесследно исчезла молодая девушка по имени Кэтрин Блейк. Большинство жителей уверены, что она просто покинула город, мечтая о новой жизни в Италии, но прошлое не всегда остаётся в прошлом.Когда уважаемый житель Иствуда – Эдвард Моррисон погибает при загадочных обстоятельствах, старые секреты начинают всплывать на поверхность. Под подозрением оказываются люди, которые, казалось бы, давно привыкли доверять друг другу. У каждого своя версия событий, свои причины молчать и свои воспоминания о Кэтрин.Расследование возглавляет инспектор Маттео Риччи. Чем глубже он погружается в историю города, тем очевиднее становится: кто-то очень постарался, чтобы правда никогда не вышла наружу.Но в Иствуде у каждой истории есть своя версия и не всякому рассказчику стоит доверять.

© Столярова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обыкновенное утро 5
Глава 2. Человек, который многое замечает 8
Глава 3. Семь лет без опозданий 12
Глава 4. Люди, которые помнят 15
Глава 5. Старые фотографии 19
Глава 6. Привычка к порядку 23
Глава 7. То, о чём не спрашивают 29
Глава 8. Чужая версия правды 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ася Столярова
Все помнят Кэтрин

Глава 1. Обыкновенное утро

Иствуд, 14 октября

В Иствуде октябрь всегда наступал как-то незаметно. Ещё вчера на главной улице можно было встретить людей в лёгких пальто, а сегодня они уже торопливо застёгивали воротники, прятали руки в карманы и с недовольством поглядывали на небо.

Город вообще не слишком любил перемены. Здесь предпочитали, чтобы булочник открывал свою лавку ровно в половине восьмого, почтальон проходил по одному и тому же маршруту, а колокола старой церкви отбивали часы с точностью, которой позавидовали бы швейцарские часовщики.

В Иствуде даже сплетни распространялись по расписанию.

Впрочем, это нисколько не мешало местным жителям обсуждать их с таким энтузиазмом, словно от своевременного обмена новостями зависело благополучие всего королевства.

Особенно это касалось семьи Моррисон.

Эдвард Моррисон был человеком известным. Не знаменитым в привычном смысле этого слова, разумеется, но в Иствуде подобного различия практически не существовало. Его знали в лицо, здоровались с ним на улице, приглашали на благотворительные вечера и непременно упоминали в разговорах, когда речь заходила о людях, сумевших добиться чего-то в жизни.

Ему было пятьдесят восемь лет. Он обладал безупречными манерами, весьма определёнными взглядами на воспитание молодёжи и совершенно непоколебимой уверенностью в том, что большинство человеческих проблем можно решить при помощи дисциплины. По крайней мере, так он утверждал.

Утро 14 октября началось для него в 06:45.

Эдвард проснулся немногим раньше будильника, как делал практически каждый день на протяжении последних двадцати лет. Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к негромкому шуму дождя за окном, после чего откинул одеяло и поднялся с кровати.

В спальне было прохладно.

Он подошёл к окну, раздвинул тяжёлые шторы и посмотрел на сад.

Сад занимал значительную часть территории поместья. В центре находился небольшой фонтан, который в это время года уже не работал, а вдоль каменной дорожки росли аккуратно подстриженные кусты самшита. За ними виднелась старая кованая ограда, отделявшая владения Моррисонов от соседнего участка.

Эдвард задержал взгляд на нескольких опавших ветках: садовник снова не выполнил свою работу должным образом.

Эта мысль несколько испортила ему настроение. Он оделся, спустился по широкой лестнице и направился в рабочий кабинет.

Кабинет был, пожалуй, самой любимой комнатой в доме. Высокие книжные шкафы занимали почти всю стену, письменный стол из тёмного дерева стоял напротив большого окна, а возле камина располагалось кожаное кресло, в котором Эдвард обычно читал вечернюю корреспонденцию.

На столе уже лежал раскрытый ежедневник, рядом находились очки, несколько документов и серебряная рамка с фотографией.

Эдвард снял часы, положил их рядом с бумагами и посмотрел на циферблат настенных часов.

Семь двадцать.

Он любил начинать работу рано. Считал, что утренние часы принадлежат исключительно человеку, который умеет правильно ими распоряжаться.

В семь двадцать пять в дверь постучали.

— Войдите.

В кабинет вошла Клара Уитмор.

Кларе было тридцать четыре года. Последние семь лет она работала личной помощницей Эдварда и за это время научилась понимать его настроение по выражению лица, интонации и даже тому, с какой силой он закрывал ежедневник.

В руках она держала поднос с кофейником, фарфоровой чашкой и небольшим блюдцем:

— Доброе утро, мистер Моррисон.

— Доброе утро, Клара.

Она поставила поднос на стол.

— Кофе без сахара. Как Вы любите.

— Рад, что в этом мире ещё существуют вещи, на которые можно положиться.

— Надеюсь, вы говорите о кофе.

— Исключительно.

Клара едва заметно улыбнулась и достала из папки несколько листов.

— У вас сегодня довольно насыщенный день. В девять часов встреча с мистером Харрисом, в одиннадцать вам должны позвонить из благотворительного фонда. На половину первого назначен обед с доктором Беннетом.

При последнем имени Эдвард перестал листать ежедневник.

— Доктор Беннет подтвердил встречу?

— Вчера вечером. Я отправляла ему напоминание.

— Понятно.

Он взял чашку и сделал небольшой глоток.

Клара тем временем продолжала просматривать записи:

— Ещё пришло письмо. Без обратного адреса.

— От кого?

— Не знаю. Оно было в утренней корреспонденции.

— Оставьте здесь.

Она положила конверт рядом с ежедневником. Эдвард посмотрел на него, но открывать не стал:

— Что-нибудь ещё?

— Вы просили напомнить о документах, которые нужно подписать до конца недели.

— Они у вас?

— Разумеется.

— Тогда оставьте на столе, – Клара положила перед ним папку.

Некоторое время в кабинете стояла тишина. Слышалось только, как дождевые капли постукивают по оконному стеклу.

— Клара.

— Да, мистер Моррисон?

— Вы давно работаете в Иствуде?

Она на мгновение задумалась.

— Почти всю жизнь. Если не считать университета.

— И вам здесь не скучно?

Клара позволила себе небольшую улыбку.

— А должно быть?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что в этом городе люди знают друг о друге слишком много.

— Возможно, поэтому им никогда не бывает скучно.

Эдвард посмотрел на неё поверх очков.

— Весьма сомнительное преимущество.

— Тем не менее весьма распространённое.

Он усмехнулся.

— Вы сегодня разговорчивы.

— Наверное, это от хорошей погоды.

За окном в этот момент особенно выразительно прогремел гром. Эдвард перевёл взгляд на окно.

— Тогда не представляю, что с вами происходит в плохую.

Клара улыбнулась уже открыто. Она направилась к двери, но прежде чем выйти, остановилась.

— Ах да. Сегодня утром звонила мисс Элизабет.

Эдвард поставил чашку на блюдце.

— Что ей понадобилось?

— Она спрашивала, будете ли вы дома в субботу.

— И что вы ответили?

— Что уточню у вас.

— Правильно. Передайте, что я пока не знаю.

— Хорошо.

— И Клара...

Она обернулась.

— Да?

— Если сегодня кто-нибудь будет спрашивать меня, скажите, что я занят.

— Даже если это доктор Беннет?

Эдвард несколько секунд смотрел на неё.

— Особенно если это доктор Беннет.

Клара кивнула и вышла из кабинета.

Оставшись один, Эдвард некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь. Затем взял конверт, который всё это время лежал возле его ежедневника.

На лицевой стороне не было ни имени отправителя, ни обратного адреса, только его собственное имя.

Эдвард Моррисон.

Он повертел конверт в руках, после чего положил обратно на стол.

Кофе постепенно остывал.

В Иствуде продолжался обычный октябрьский дождь. На главной улице открывалась булочная, почтальон начинал свой маршрут, а хозяйка цветочного магазина выставляла на тротуар свежие букеты. Никто из них пока не знал, что совсем скоро привычный порядок вещей нарушится.

Впрочем, жители Иствуда вообще редко знали о том, что происходит за чужими закрытыми дверями и именно поэтому так любили заглядывать в чужие окна.

Глава 2. Человек, который многое замечает

Иствуд, 14 октября

В Иствуде существовало негласное правило: если ты хочешь узнать последние новости – не покупай газету. Зайди в кафе Маргарет Уилсон, закажи кофе и сделай вид, что читаешь меню.

К одиннадцати утра ты будешь знать, кто поссорился с женой, чей сын снова задолжал букмекеру, почему миссис Хендерсон перестала здороваться с соседкой и, вероятнее всего, кто из местных собирается разводиться, причём последние двое, вероятно, даже не подозревают о своём семейном кризисе.

Маргарет умела собирать сведения с поразительной скоростью. Её кафе было чем-то средним между заведением общественного питания, исповедальней и местным отделением полиции, только без формы и необходимости соблюдать конфиденциальность.

Я бывал там почти каждый день.

Не потому, что кофе у Маргарет был особенно хорош. Он был довольно посредственным, а её пироги временами напоминали строительный материал, просто в Иствуде не так много мест, где можно спокойно посидеть, послушать чужие разговоры и не объяснять, почему ты всё ещё не женат, не обзавёлся загородным домом и не научился радоваться жизни так же искренне, как остальные.

— Вы опять опоздали, – сказала Маргарет, едва я переступил порог.

— Доброе утро, Маргарет. Рад видеть, что ваша любовь к гостям не угасает.

— Я говорю серьёзно.

— Это многое объясняет.

Она поставила передо мной чашку кофе.

— Вы сегодня какой-то особенно язвительный.

— А вы сегодня особенно наблюдательны. Боюсь, мы оба не в духе.

Маргарет фыркнула и вернулась за стойку.

В кафе было довольно людно. У окна сидел мистер Харрис, бывший почтальон, который уже несколько лет не работал, но продолжал вести себя так, словно от него зависела доставка всей корреспонденции графства. За соседним столиком две пожилые дамы обсуждали чью-то дочь, а у стойки стоял молодой человек в форме почтовой службы.

Обыкновенное утро.

В Иствуде вообще умели делать обыкновенность почти священной.

— Слышали про Эдварда Моррисона? — спросила Маргарет, вытирая и без того чистую стойку.

Я поднял глаза от чашки.

— В Иствуде есть человек, про которого я ещё не слышал?

— Не умничайте.

— Тогда продолжайте. Я весь внимание.

Она наклонилась чуть ближе, хотя в этом не было никакой необходимости. Если бы Маргарет захотела сохранить тайну, ей пришлось бы сначала перестать быть Маргарет Уилсон.

— Утром у него опять была Клара.

— Удивительное открытие. Его секретарь приходит к нему на работу, пожалуй, стоит сообщить об этом в Лондон.

— Она выглядела обеспокоенной.

— Возможно, у неё просто плохое утро.

— Она вышла от него раньше обычного.

Я посмотрел на Маргарет поверх чашки.

— И вы, разумеется, засекли время?

— Без десяти восемь.

— Восхитительно. У вас талант, который совершенно пропадает за приготовлением сэндвичей.

Маргарет не оценила комплимент.

— Я серьёзно. Что-то происходит.

Я промолчал.

Имя Эдварда Моррисона обладало в Иствуде удивительной способностью менять тон разговора. Стоило кому-нибудь произнести его, как люди начинали говорить тише, внимательнее подбирать слова и делать вид, что их интересует исключительно погода.

Эдвард был человеком, которого здесь уважали. Он пожертвовал деньги на восстановление библиотеки, помогал местной школе, поддерживал благотворительный фонд и регулярно появлялся на городских мероприятиях. Его фотография украшала несколько газетных вырезок в здании муниципалитета и если бы в Иствуде решили установить памятник общественной добродетели, я бы не удивился, увидев на постаменте его лицо.

Разумеется, памятник получился бы несколько преждевременным.

— Кстати, – продолжила Маргарет, – вчера его видели с доктором Беннетом.

— И что?

— Они разговаривали.

— Маргарет, люди иногда разговаривают – это не преступление.

— Они спорили.

— Вот это уже серьёзнее. Нужно немедленно вызвать полицию.

— Вы невозможны.

— Мне об этом говорили.

Она выпрямилась и посмотрела в сторону окна.

— Беннет ушёл первым. И, кажется, был очень зол.

Я проследил за её взглядом. На улице, напротив кафе, остановился знакомый чёрный автомобиль.

Из него вышел Эдвард Моррисон. Он поправил манжету пальто, закрыл дверцу и направился к входу. Двигался он неторопливо, с той уверенностью, которая свойственна людям, привыкшим к тому, что их появление замечают.

Маргарет тут же выпрямилась.

— Доброе утро, Эдвард!

— Маргарет. Как всегда, рад вас видеть.

Он улыбнулся ей, затем поздоровался с мистером Харрисом и кивнул двум дамам у окна. Те ответили ему с такой теплотой, будто он лично спас каждую из них от неминуемой гибели.

Когда его взгляд остановился на мне, улыбка едва заметно изменилась.

— Доброе утро, — произнёс он.

— Доброе, Эдвард.

Он снял перчатки.

— Давно вас не видел.

— И всё же Иствуд продолжает вращаться вокруг своей оси. Приятно, что некоторые вещи остаются неизменными.

— Ваше чувство юмора тоже.

— К счастью, оно не требует ремонта.

Эдвард тихо усмехнулся и заказал чай. Он всегда пил чай в кафе Маргарет, хотя неоднократно утверждал, что предпочитает домашний. По-видимому, даже у самых последовательных людей бывают слабости.

Он сел за столик неподалёку.

— Как поживает ваша работа? – спросил он, разворачивая салфетку.

— Не жалуюсь. Город предоставляет достаточно материала.

— Надеюсь, вы не собираетесь снова писать о муниципальном совете.

— Если муниципальный совет снова решит потратить деньги на фонтан, который не работает с прошлого лета, я не вижу причин лишать читателей этого захватывающего сюжета.

— Вы всегда умели находить недостатки там, где другие видят старания.

— А вы всегда умели находить достоинства там, где другие предпочитают не задавать вопросов.

На мгновение между нами повисла тишина. Совсем короткая. Почти незаметная.

Эдвард поднял чашку.

— Надеюсь, вы не изменили своего мнения обо мне.

— Я стараюсь не менять мнения без веских причин.

— Разумный подход.

— Не всегда удобный.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовала обычная беседа, после чего вернулся к чаю.

Возможно, со стороны наш разговор выглядел совершенно непримечательным. Два знакомых человека обменялись любезностями, немного пошутили и занялись своими делами.

И всё же я заметил, как крепче он сжал ручку чашки.

Я замечал подобные мелочи. Иногда это помогало мне в работе. Иногда — мешало спать.

— Кстати, Эдвард, – подала голос Маргарет, – как Элизабет? Давно её не видела.

Он поставил чашку на блюдце.

— Благодарю, Маргарет. У неё всё хорошо.

— Она ведь собиралась приехать в субботу?

— Насколько мне известно.

— Надеюсь, вы наконец-то проведёте время вместе.

— И я надеюсь.

Он произнёс это совершенно спокойно, но почему-то не стал развивать тему. Через несколько минут Эдвард расплатился и поднялся.

— Рад был вас видеть, – сказал он мне.

— Взаимно.

— Всего доброго.

Он вышел, оставив после себя лёгкий запах дорогого одеколона и ощущение, будто в кафе только что закрыли окно перед грозой.

Маргарет проводила его взглядом.

— Хороший человек, – сказала она.

Я посмотрел на пустой столик.

— Безусловно.

— Вы так говорите, словно сомневаетесь.

— Я говорю так, словно пью кофе.

Маргарет покачала головой.

— Когда-нибудь вы останетесь совсем один со своими саркастическими замечаниями.

— По крайней мере, мне не придётся делить с кем-нибудь одеяло.

Она рассмеялась, но я уже не слушал.

На столике Эдварда осталась сложенная салфетка. Маргарет подошла, чтобы убрать её, и вдруг остановилась.

— Ах да. Я совсем забыла.

— Это становится вашей отличительной чертой.

— Сегодня утром Клара заходила ко мне.

Я поднял глаза.

— И?

— Спрашивала, не приносили ли сюда письмо для мистера Моррисона. Она сказала, что оно могло случайно попасть не по адресу.

Я медленно поставил чашку на блюдце.

— И что вы ответили?

— Что ничего не приносили. А что?

— Ничего. Просто интересно.

— Странно, правда? Письмо без обратного адреса, а потом такие поиски.

Я посмотрел на Маргарет и улыбнулся.

— В Иствуде, Маргарет, даже обычный конверт способен стать поводом для собрания городского совета.

Она снова рассмеялась, я же отвернулся к окну.

На противоположной стороне улицы Эдвард уже садился в автомобиль, он выглядел так же безупречно, как и всегда. Спокойный, собранный, уверенный в завтрашнем дне.

Некоторые люди всю жизнь строят вокруг себя крепость из хорошей репутации, благотворительных взносов и правильно подобранных слов. И им начинает казаться, что стены действительно способны защитить от прошлого.

Эдвард Моррисон был одним из таких людей.

А я знал о его крепости немного больше, чем следовало.

Впрочем, в тот день я ещё не собирался рассказывать об этом.

Глава 3. Семь лет без опозданий

Иствуд, 14 октября

Клара Уитмор не любила опаздывать.

За семь лет работы на Эдварда Моррисона она опоздала ровно дважды. Первый раз — из-за сломанного автобуса, второй — из-за сильнейшего снегопада, который на несколько часов превратил главную улицу Иствуда в нечто среднее между катком и стихийным бедствием.

Эдвард запомнил оба случая.

Клара подозревала, что он помнил даже цвет её шарфа в тот снежный день, хотя никогда не спрашивала. У мистера Моррисона вообще была удивительная способность запоминать вещи, о которых другие люди предпочли бы забыть.

В половине девятого Клара сидела за своим столом в небольшой комнате рядом с кабинетом Эдварда. Перед ней лежал ежедневник, открытый на текущей неделе, телефон, стопка документов и чашка уже остывшего чая. Она сняла часы с запястья, положила их рядом с ежедневником и потёрла переносицу.

Утро выдалось беспокойным.

Сначала мистер Харрис перенёс встречу, затем из благотворительного фонда позвонили повторно, хотя Клара уже подтвердила их звонок, а после этого пришлось искать документы, которые Эдвард, по всей видимости, положил в такое надёжное место, что не мог найти даже сам.

Она привыкла. За семь лет она научилась различать его настроение по тому, как он закрывал дверь, определять степень недовольства по паузам между словами и понимать, когда лучше не задавать вопросов.

Последнее было самым полезным навыком.

В 9:17 зазвонил телефон.

— Приёмная мистера Моррисона, – ответила Клара.

— Клара? Это Элизабет.

Клара выпрямилась.

— Доброе утро, мисс Моррисон.

— Он там?

— Да, сэр Эдвард сейчас у себя.

— Можешь соединить?

Клара посмотрела на внутреннюю линию кабинета. Дверь была закрыта.

— Разумеется, одну минуту.

Она нажала кнопку и сообщила Эдварду о звонке.

— Кто?

— Мисс Элизабет.

На другом конце провода повисла короткая пауза.

— Скажи, что я занят.

Клара не сразу ответила.

— Она просит всего несколько минут.

— Клара.

Этого было достаточно.

— Конечно, сэр.

Она вернулась к телефону.

— Простите, мисс Моррисон. Сейчас он не может подойти.

— Понятно.

Элизабет помолчала.

— Он всё ещё собирается на субботний обед?

— Насколько мне известно, да.

— Хорошо. Тогда передай ему, что я приеду.

— Обязательно.

— Спасибо, Клара.

Связь прервалась.

Клара ещё несколько секунд смотрела на телефон, прежде чем записать в ежедневник: «Элизабет – суббота».

Она не знала, почему девушка звонила именно сегодня. И, если честно, не собиралась выяснять. Это было одним из негласных правил её работы: не задавать вопросов, на которые никто не собирался отвечать.

Впрочем, иногда молчание обходилось дороже любого любопытства.

К одиннадцати часам в доме стало тихо. Мистер Моррисон отменил обед с доктором Беннетом, сославшись на срочные дела. Клара внесла изменения в расписание, позвонила в ресторан и предупредила водителя, что поездка в центр отменяется.

Когда она вошла в кабинет, Эдвард стоял у окна, на столе лежало то самое письмо, которое она принесла утром. Конверт был вскрыт.

Клара остановилась у двери.

— Вы хотели что-то обсудить, сэр?

Эдвард не обернулся.

— Вы когда-нибудь получали письмо, которое лучше было бы не открывать?

Клара посмотрела на конверт.

— Не припомню.

— Вам повезло.

Он наконец повернулся и положил лист обратно на стол.

— Вы знаете, кто его принёс?

— Нет, сэр. Конверт был среди утренней корреспонденции.

— И вы не спрашивали?

— У кого?

Эдвард слегка улыбнулся.

— Справедливое замечание.

Клара подошла к столу, чтобы забрать документы. На мгновение ей показалось, что он собирается что-то сказать, но Эдвард лишь перевернул лист текстом вниз.

— Клара, сегодня больше никого ко мне не направляйте.

— Даже мистера Харриса?

— Особенно мистера Харриса.

— Хорошо.

Она уже собиралась выйти, когда он окликнул её:

— И ещё одно.

Клара обернулась.

— Если кто-нибудь будет интересоваться моими делами, не нужно ничего объяснять. Просто скажите, что я занят.

— Как обычно?

— Именно.

Она кивнула.

У двери Клара задержалась.

— Сэр, вы уверены, что всё в порядке?

Эдвард посмотрел на неё так, словно вопрос оказался неожиданным.

— Разумеется.

Он произнёс это спокойно, почти ласково и Клара не стала спорить.

За семь лет она поняла: иногда самое бессмысленное занятие на свете – пытаться убедить Эдварда Моррисона в том, что он не прав.

В половине первого Клара вышла из дома. Ей нужно было зайти в аптеку, забрать заказанные документы и купить продукты к ужину. День, который с самого утра обещал быть длинным, наконец начал приобретать очертания обычного рабочего дня.

На улице было прохладно. Ветер гонял по тротуару сухие листья, а над крышами домов висело низкое серое небо. У газетного киоска она встретила Маргарет Уилсон.

— Клара! – позвала та. – Какая приятная неожиданность.

Клара остановилась.

— Добрый день, Маргарет.

— Ты сегодня выглядишь так, будто не спала неделю.

— Всего лишь неудачное утро.

— У Моррисона?

Клара чуть заметно улыбнулась.

— А у кого же ещё?

Маргарет рассмеялась.

— Передай ему, что он всё ещё должен мне ответ.

— Если узнаю, какой именно, обязательно передам.

— Ах, дорогая, он прекрасно знает.

Клара попрощалась и пошла дальше, она не любила разговоры о мистере Моррисоне вне работы, не потому, что считала его безупречным, просто за семь лет она успела убедиться: в Иствуде чужая жизнь никогда не принадлежит только её владельцу.

Каждый знал о каждом что-нибудь своё и почти никто не знал всей правды.

Вернувшись домой, Клара сняла пальто, поставила чайник и достала из сумки небольшой блокнот.

В нём не было ничего особенного: несколько телефонных номеров, напоминания о покупках, адреса и короткие заметки. Она пролистала страницы и остановилась на одной записи.

«Письмо. Проверить».

Клара долго смотрела на эти два слова, затем закрыла блокнот и убрала его в ящик стола.

В тот день она больше не звонила Эдварду. Он тоже не звонил ей.

А вечером, когда Иствуд постепенно погрузился в привычную октябрьскую темноту, Клара впервые за долгое время подумала, что, возможно, семь лет — слишком большой срок, чтобы продолжать делать вид, будто ничего не изменилось.

Глава 4. Люди, которые помнят

Иствуд, 14 октября

В Иствуде существовало два способа узнать чужую тайну.

Первый – случайно оказаться рядом, когда её обсуждают. Второй – зайти к Артуру Беннету и задать правильный вопрос.

Второй способ, как правило, обходился дороже. Доктор Беннет не любил праздных разговоров, не терпел любопытных людей и обладал редким талантом смотреть на собеседника так, словно уже знал, в чём тот собирается солгать.

Когда-то он был одним из самых уважаемых врачей в округе. Теперь, после выхода на пенсию, его уважали по привычке, побаивались по характеру и навещали преимущественно по необходимости.

Я относился к нему с некоторой симпатией, возможно, потому, что он никогда не притворялся человеком приятным.

Его дом стоял на окраине Иствуда, за старой кирпичной оградой, которую плющ постепенно превращал в часть пейзажа. На калитке висела табличка с фамилией, а возле входной двери стоял аккуратно подстриженный куст, переживший, судя по всему, не одно поколение хозяев.

Я постучал дважды.

— Открыто! – донеслось изнутри.

Беннет сидел в гостиной с газетой и очками на кончике носа. Увидев меня, он отложил чтение.

— Вот уж кого не ожидал увидеть.

— Взаимно, доктор.

— Вы пришли по делу или решили испортить мне обед?

— Пока не определился.

— Тогда проходите. Возможно, успеете сделать и то и другое.

Он указал на кресло напротив. Я сел, оглядел комнату и заметил на каминной полке несколько фотографий. На одной из них Беннет стоял рядом с Эдвардом Моррисоном, оба выглядели моложе, оба улыбались, и, что удивительно, ни один из них не казался человеком, которому хотелось бы испортить другому жизнь.

— Давно не виделись, – заметил я.

— Слава богу.

— Вы всегда так гостеприимны?

— Только с теми, кто приходит без предупреждения.

Я улыбнулся.

— Я слышал, ваша встреча с мистером Моррисоном сегодня не состоялась.

Беннет снял очки.

— В Иствуде новости распространяются быстрее простуды.

— Зато лечатся хуже.

Он не улыбнулся.

— Эдвард отменил обед.

— По какой причине?

— Спросите у него.

— Я спрашивал. Он был занят.

— Разумеется.

Беннет произнёс это слово с такой интонацией, будто оно имело несколько неприятных значений. Я перевёл взгляд на фотографию.

— Вы давно знакомы?

— С Эдвардом? Почти сорок лет.

— И всё это время ладите?

— Не преувеличивайте. Мы никогда особенно не ладили, просто раньше у нас было больше причин терпеть друг друга.

— А теперь?

Беннет посмотрел на меня.

— Теперь причин стало меньше.

За окном проехала машина. На несколько секунд разговор прервался, и я услышал, как старые часы в углу комнаты отсчитывают очередную минуту.

— Вы ведь знаете, что он не всегда был таким, – неожиданно произнёс Беннет.

— Каким?

— Эдвардом Моррисоном.

— Боюсь, это не самое точное определение.

— Он умел быть другим человеком. Когда-то.

Беннет поднялся, подошёл к камину и поправил рамку с фотографией.

— Мы все умели, доктор, – сказал я. – Вопрос только в том, кто из нас сохранил эту способность.

Он повернулся.

— Вы всегда разговариваете загадками?

— Только когда собеседник начинает первым.

Беннет несколько секунд молчал, затем вернулся в кресло.

— Вы интересуетесь Эдвардом не просто так.

Это не было вопросом.

— В Иствуде трудно не интересоваться человеком, о котором говорят чаще, чем о погоде.

— Погода хотя бы меняется.

Я рассмеялся, но Беннет остался серьёзен.

— Вы знаете, что случилось двадцать лет назад? – спросил он.

Я не ответил сразу.

— В Иствуде многое случалось двадцать лет назад.

— Кэтрин Блейк.

Имя прозвучало спокойно, почти буднично. Я посмотрел на него.

— Помню.

— Конечно, помните. Вы ведь тогда тоже жили здесь.

— Здесь все друг друга помнят, доктор. По крайней мере, утверждают это.

— Она работала в библиотеке, девятнадцать лет, тихая девушка, собиралась уехать, а потом исчезла.

— Насколько я помню, считалось, что она уехала сама.

— Так и записали.

— Вы с этим не согласны?

Беннет поправил очки.

— Я не говорил, что не согласен.

— Но и не сказали, что согласны.

Он посмотрел на фотографию Эдварда.

— Некоторые люди слишком хорошо умеют убеждать окружающих, что всё уже решено.

Я не стал спрашивать, кого именно он имел в виду, потому, что ответ был очевиден.

— Вы думаете, Моррисон что-то знал?

— Я думаю, что Эдвард всегда знал больше, чем говорил.

— Это обвинение?

— Это наблюдение.

Беннет снова взял газету, но читать не стал.

— Вы пришли сюда поговорить о Кэтрин?

— Я пришёл поговорить об Эдварде.

— Тогда, боюсь, вы выбрали не самый удачный адрес.

— А мне кажется, как раз удачный.

Он медленно поднял на меня глаза.

— Будьте осторожны с тем, что ищете.

Я встал.

— Это совет?

— Считайте как хотите.

У двери я обернулся.

— Доктор, вы ведь не думаете, что Кэтрин Блейк всё ещё имеет отношение к тому, что происходит сегодня?

Беннет долго смотрел на меня:

— Я думаю, что прошлое редко интересуется нашим разрешением вернуться.

На этом разговор закончился, а на обратном пути я зашёл в библиотеку.

Старое здание стояло на Хай-стрит, между магазином тканей и закрытой уже несколько месяцев кондитерской. Внутри пахло пылью, бумагой и отоплением, которое включали, кажется, исключительно из уважения к посетителям.

За стойкой сидела миссис Фостер – женщина, способная по одному взгляду определить, собирается ли человек взять книгу или просто укрыться от дождя.

— Давно вас не было, – заметила она.

— Скучали?

— Не особенно.

Я положил ладони на стойку.

— Миссис Фостер, вы ведь давно работаете здесь?

— Тридцать два года.

— Значит, помните Кэтрин Блейк?

Её пальцы замерли над журналом выдачи. Совсем ненадолго, но я заметил.

— Откуда вы вспомнили о ней?

— Разговорился с доктором Беннетом.

— Артуру Беннету стоило бы научиться держать язык за зубами.

— Полагаете, он слишком разговорчив?

— Я полагаю, что некоторые разговоры лучше оставлять в прошлом.

Она закрыла журнал.

— Кэтрин была хорошей девушкой. Очень способной. Часто задерживалась после работы, помогала разбирать старые архивы, а потом однажды перестала приходить.

— Вы были близки?

— Нет, но я её помню.

— И что вы помните лучше всего?

Миссис Фостер задумалась.

— Она очень хотела уехать. Всё время говорила об Италии. Собирала деньги, изучала язык и, кажется, даже купила билет.

Я кивнул.

— И уехала?

— Так решили.

— Кто решил?

Миссис Фостер посмотрела на меня с явным неодобрением.

— Вы сегодня задаёте слишком много вопросов.

— Профессиональная привычка.

— Тогда вам стоит найти профессию поспокойнее.

Я поблагодарил её и направился к выходу.

Уже возле двери миссис Фостер окликнула меня:

— Послушайте.

Я обернулся.

— Если вы действительно хотите узнать, что случилось с Кэтрин, поищите старые газеты. За неделю до её исчезновения в библиотеку приходил мистер Моррисон.

— Эдвард?

— Да. Они разговаривали и довольно долго.

Я ничего не ответил.

— Впрочем, – добавила она, – возможно, это ничего не значит.

В Иствуде эта фраза обычно означала, что значит очень многое.

Домой я вернулся уже после трёх. На столе лежала утренняя почта. Среди счетов и рекламных листовок обнаружился конверт, который я прежде не видел.

На нём не было обратного адреса, только моё имя.

Я некоторое время смотрел на него, прежде чем вскрыть. Внутри оказался небольшой лист бумаги с одной-единственной строкой:

«Некоторые истории не заканчиваются только потому, что о них перестали говорить».

Подписи не было.

Я положил письмо на стол и подошёл к окну.

Иствуд выглядел совершенно обычно. Люди возвращались с работы, у магазина остановилась пожилая пара, а сосед через дорогу безуспешно пытался завести свой автомобиль.

Город продолжал заниматься своими маленькими делами и, как всегда, делал вид, что ничего не происходит.

Глава 5. Старые фотографии

Иствуд, 14 октября

У старых газет есть одно неприятное свойство: они никогда ничего не забывают.

Люди, напротив, забывают охотно. Особенно то, что мешает им спокойно завтракать, спать по ночам и смотреть соседям в глаза. Газеты лишены подобных слабостей. Они хранят чужие ошибки, семейные скандалы, неудачные выборы и объявления о пропавших кошках с одинаковым равнодушием.

Именно поэтому я всегда предпочитал бумажные архивы человеческой памяти.

После разговора с миссис Фостер имя Кэтрин Блейк не выходило у меня из головы. Не то, чтобы оно занимало там какое-то особенное место. Просто некоторые имена обладают удивительной способностью всплывать в самый неподходящий момент.

Кэтрин Блейк – девятнадцать лет, работала в городской библиотеке, собиралась уехать в Италию и исчезла двадцать лет назад.

В Иствуде такие истории не забываются. Их просто перестают рассказывать вслух.

Я устроился за письменным столом, достал старую коробку с вырезками и начал перебирать содержимое. Большинство газетных публикаций давно потеряли актуальность: объявления о ярмарках, результаты школьных соревнований, открытие нового почтового отделения – всё это теперь представляло исключительно историческую ценность для людей с чрезмерным количеством свободного времени.

Я, к счастью, относился к их числу лишь частично.

Первую заметку я нашёл ближе к вечеру:

«Местная жительница не вернулась домой»

Небольшая публикация на третьей странице: несколько строк о том, что полиция разыскивает девятнадцатилетнюю Кэтрин Блейк, которая не появлялась дома с вечера предыдущего дня.

Фотография была плохой. Девушка с тёмными волосами, немного неловкой улыбкой и взглядом человека, которого попросили сфотографироваться против его воли.

Я перевернул страницу.

Следующая публикация появилась через три дня. Затем ещё одна — спустя неделю.

Полиция просила всех, кто располагает информацией, связаться с участком. Родственники надеялись на возвращение девушки. Соседи сообщали, что в последнее время Кэтрин казалась задумчивой и говорила о переезде.

А потом новости закончились.

Через несколько месяцев в газете появилась короткая заметка о том, что следствие рассматривает возможность добровольного отъезда. И всё.

Двадцать лет истории уместились в нескольких газетных колонках.

Я откинулся на спинку кресла.

Возможно, миссис Фостер была права, возможно, Эдвард Моррисон действительно знал о случившемся больше остальных.

Но у меня возник другой вопрос: почему человек, который столько лет старательно поддерживал безупречную репутацию, вообще оказался связан с исчезновением девушки?

Я посмотрел на фотографию Кэтрин, потом убрал вырезку обратно в коробку.

Вечером я отправился в гостиницу «Беллфлауэр».

В Иствуде было не так много мест, где можно было провести вечер, не рискуя встретить кого-нибудь из родственников, бывших одноклассников или людей, которым вы задолжали деньги. «Беллфлауэр» была одним из них.

Гостиница принадлежала семье Уилсон уже почти сорок лет. Её фасад нуждался в ремонте, ковровые дорожки помнили ещё предыдущего владельца, а мебель выглядела так, словно её выбирали исключительно по принципу долговечности.

Зато там подавали приличный чай.

В холле я увидел Элизабет Моррисон. Она сидела у окна с чашкой кофе и просматривала телефон. Увидев меня, слегка нахмурилась.

— Не ожидала вас здесь встретить.

— Взаимно. Хотя, признаюсь, я ожидал встретить кого-нибудь менее приветливого.

Она убрала телефон.

— Вы знакомы с моим дядей?

— В некотором роде.

— Это довольно расплывчатый ответ.

— В Иствуде предпочитают именно такие.

Элизабет посмотрела на меня с недоверием.

— Вы журналист?

— Иногда.

— Тогда, пожалуйста, не пишите о моей семье.

— Не могу обещать того, о чём меня ещё не просили.

Она едва заметно улыбнулась.

— Теперь я понимаю, почему дядя вас недолюбливает.

— Он никогда не говорил, что недолюбливает меня.

— Эдвард вообще редко говорит то, что действительно думает.

В её голосе прозвучало раздражение.

Я заказал чай и сел напротив.

— Вы приехали к нему?

— Да.

— И как прошла встреча?

— Никак. Он оказался занят.

— У него сегодня насыщенный день.

— У него всегда насыщенный день, когда он не хочет со мной разговаривать.

Она произнесла это без особой горечи, скорее устало.

— Вы давно не ладите?

Элизабет посмотрела в окно.

— Достаточно давно.

— Из-за чего?

— Это семейное дело.

— Разумеется.

— И не пытайтесь сделать вид, что не интересуетесь. Вы же для этого и сели сюда.

Я поднял чашку.

— Ваша наблюдательность делает наш разговор гораздо интереснее.

Она покачала головой.

— Вы странный человек.

— Мне говорили.

Элизабет допила кофе и поднялась.

— Передайте дяде, что я всё равно приеду в субботу.

— Думаю, он уже знает.

— Тогда тем более.

Она направилась к выходу, оставив на столе пустую чашку и впечатление человека, который давно устал стучаться в закрытую дверь.

Я проводил её взглядом.

В Иствуде семейные ссоры редко оставались семейными. Просто иногда требовалось несколько лет, чтобы остальные узнали подробности.

Маргарет Уилсон появилась в холле через несколько минут.

— Вы опять собираете чужие истории? – спросила она, останавливаясь возле моего столика.

— Я предпочитаю выражение «интересуюсь общественной жизнью».

— Разумеется. А я предпочитаю считать, что у меня не болит спина.

Она села напротив.

— Видели Элизабет?

— Только что ушла.

— Бедная девочка.

— Вы так говорите, будто она несчастна.

— Она не несчастна. Просто у неё сложный дядя.

— Эдвард?

— А вы знаете другого Моррисона, способного превратить обычный субботний обед в дипломатический кризис?

Я усмехнулся. Маргарет достала из кармана небольшой ключ и положила на стол.

— Кстати, вы ведь интересуетесь старыми историями?

— Иногда.

— Тогда вам может быть любопытно кое-что посмотреть.

— Что именно?

— Старые фотографии. У нас в гостинице есть целый альбом. Ещё со времён, когда Иствуд был немного моложе и значительно менее приличным.

— Звучит заманчиво.

— Не обольщайтесь. Там в основном люди с плохими причёсками.

Она поднялась и жестом предложила следовать за ней.

Альбом хранился в небольшой комнате за стойкой регистрации. Маргарет достала его из нижнего шкафа и положила на стол. Обложка была потёртой, страницы пожелтели по краям.

— Это фотографии разных лет, – объяснила она. – Некоторые сделаны ещё моим отцом.

Я начал перелистывать.

Вот местная футбольная команда. Вот школьный праздник. Вот открытие новой библиотеки. Вот группа мужчин возле ратуши.

И на одной из фотографий я увидел Эдварда Моррисона: он стоял в центре, молодой, уверенный в себе, с той самой улыбкой, которую спустя двадцать лет научился использовать как инструмент общения с окружающими, рядом с ним находился Артур Беннет.

Они оба выглядели удивительно довольными жизнью.

— Как давно это было? – спросил я.

— Около двадцати двух лет назад. Может, двадцати трёх.

Я продолжил рассматривать фотографию.

За спиной Эдварда стояли ещё несколько человек, среди них была молодая женщина с тёмными волосами. Я задержал взгляд.

— Кто это?

Маргарет наклонилась ближе.

— Где?

Я указал на девушку.

— Не помню. Возможно, одна из библиотекарей или кто-то из школьных учителей.

— А вы уверены?

— В чём?

— Что не помните её?

Маргарет посмотрела на меня. Я перевёл взгляд обратно на фотографию.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто показалось, что вы её узнали.

Я закрыл альбом.

— Вы слишком много времени проводите среди чужих разговоров, Маргарет.

— А вы слишком много времени проводите среди чужих секретов.

Она забрала альбом и вернула его в шкаф, на этом наш разговор закончился.

Когда я вышел из гостиницы, на улице уже стемнело. Фонари освещали мокрую мостовую, из окон домов пробивался тёплый свет. Иствуд выглядел мирным и уютным – таким, каким его любили изображать на рождественских открытках.

Я остановился возле витрины и посмотрел на своё отражение.

В голове снова возникла фотография: Эдвард, Беннет, молодая женщина с тёмными волосами.

Интересно, сколько ещё снимков сохранилось в этом городе? Сколько людей на них запечатлено? Сколько из них уже забыты?

Я поправил воротник пальто и пошёл домой.

Впрочем, фотографии – вещь обманчивая.

Они показывают, кто стоял рядом друг с другом в определённый момент времени, но никогда не объясняют, почему.

Глава 6. Привычка к порядку

Иствуд, 15 октября

В Иствуде существовало негласное правило: если человек слишком долго не появлялся на привычном месте, его начинали обсуждать. Три дня отсутствия – повод для беспокойства. Неделя – повод для звонка родственникам. Две недели – почти официальное разрешение соседям строить собственные версии происходящего.

Город вообще отличался завидной последовательностью. Здесь могли годами не замечать очевидных вещей, но стоило кому-нибудь купить новую машину, как об этом знали уже к обеду.

Утром пятнадцатого октября я обнаружил, что разговоры об Эдварде Моррисоне не утихли.

В кафе Маргарет было непривычно многолюдно. За столиком возле окна сидели две женщины, которых я знал с детства, и обсуждали чью-то неудачную помолвку, у стойки мужчина в сером пальто жаловался на погоду. Маргарет расставляла чашки с таким выражением лица, будто каждая из них лично задолжала ей денег.

— Вы опоздали, – сказала она, заметив меня.

— Я не знал, что мы договаривались о встрече.

— Мы не договаривались, но вы обычно приходите раньше.

— Тогда, возможно, сегодня я решил стать загадочнее.

— Не советую. Вам не идёт.

Я сел за привычный столик.

— Что нового в городе?

— Ничего. Именно поэтому все так усердно ищут новости.

Маргарет поставила передо мной чай.

— Кстати, Эдвард сегодня утром был у почтового отделения.

— Неужели?

— И не один.

Я поднял глаза.

— С кем?

— С Кларой.

Я помешал чай, хотя сахар не добавлял.

— Они часто бывают вместе. Она его помощница.

— Разумеется. Я просто заметила, что они долго разговаривали.

— Возможно, обсуждали рабочие вопросы.

— Возможно, – согласилась Маргарет. – А возможно, и нет.

Она вытерла стойку и посмотрела на меня.

— Вы ведь знаете Эдварда давно?

— Достаточно.

— И как думаете, что с ним происходит?

Я задумался.

— С возрастом люди становятся менее терпимыми к неудобным вопросам.

— Это вы сейчас о себе?

— Я всегда был образцом терпимости.

Маргарет рассмеялась. Я не стал уточнять, что именно она сочла смешным.

Клара Уитмор в это время сидела за своим рабочим столом и пыталась сосредоточиться на документах.

Утро выдалось беспокойным. Эдвард приехал раньше обычного, почти не поздоровался с секретарём на первом этаже и сразу поднялся в кабинет. Через десять минут попросил принести ему кофе, ещё через пятнадцать – отменить встречу, назначенную на четверг.

Клара выполнила обе просьбы, не задавая вопросов.

Она давно усвоила: если Эдвард не хочет говорить о чём-либо, прямые вопросы не помогут – он просто посмотрит на собеседника поверх очков и произнесёт что-нибудь настолько вежливое, что продолжать разговор станет неловко.

Однако сегодня её беспокоило не это.

На краю стола лежал блокнот. На одной из страниц была короткая запись:

Письмо. Проверить.

Клара несколько раз перечитала её, но так и не смогла вспомнить, что именно собиралась проверить. Точнее, вспомнить она могла. Просто не была уверена, что хочет получить ответ.

Телефон завибрировал. На экране появилось имя Софи.

— Доброе утро, – ответила Клара.

— Если ты скажешь, что работаешь, я обижусь, – произнесла Софи вместо приветствия.

— Я работаю.

— Вот видишь, ты совершенно не умеешь поддерживать дружеские отношения.

Клара невольно улыбнулась.

— Что случилось?

— Ничего. Я хотела узнать, не собираешься ли ты сегодня вечером выбраться из своего каменного особняка и выпить со мной кофе.

— У меня много дел.

— У тебя всегда много дел.

— Это часть моей должности.

— А часть моей должности – напоминать тебе, что ты не обязана посвящать работе каждую свободную минуту.

Клара посмотрела на закрытую дверь кабинета Эдварда.

— Я постараюсь освободиться.

— Не постараешься. Ты придёшь.

— Софи...

— В шесть. Я буду ждать.

Связь оборвалась. Клара положила телефон и впервые за утро позволила себе немного расслабиться.

Софи была одной из немногих людей, рядом с которыми не требовалось следить за каждым словом. Она не интересовалась Эдвардом, не расспрашивала о его делах и не пыталась превратить обычную встречу в обсуждение чужих проблем.

Иногда это было настоящим спасением.

Около одиннадцати Эдвард позвонил Кларе.

— Зайдите, пожалуйста.

Она взяла блокнот и вошла в кабинет. Эдвард стоял возле книжного шкафа, держа в руках какую-то папку.

— Вы отменили встречу с мистером Харрисом? – спросил он.

— Да. Я перенесла её на пятницу, как вы просили.

— Хорошо. А доктор Беннет?

— Он звонил вчера вечером. Я сообщила, что вы заняты.

Эдвард кивнул.

— Он что-нибудь передавал?

— Нет. Только просил, чтобы вы ему перезвонили.

— Понятно.

Клара помолчала.

— Мистер Моррисон, ваша племянница звонила ещё раз.

Эдвард положил папку на стол.

— Когда?

— Сегодня утром.

— И что она хотела?

— Сказала, что приедет в субботу.

— Я помню.

— Она просила передать, что рассчитывает на разговор.

Эдвард снял очки и аккуратно положил их рядом с бумагами.

— Клара, вы работаете со мной семь лет.

— Да, сэр.

— За это время вы, полагаю, поняли, что я не люблю, когда меня вынуждают принимать решения под давлением.

— Полагаю, да.

— Тогда не будем превращать субботу в судебное заседание.

Клара опустила взгляд в блокнот.

— Хорошо.

Эдвард снова надел очки.

— И ещё кое-что. Если сегодня придёт кто-нибудь без предварительной договорённости, не направляйте его ко мне.

— Даже если это доктор Беннет?

Он посмотрел на неё.

— Особенно если это доктор Беннет.

Клара не стала уточнять.

Она уже собиралась выйти, когда Эдвард окликнул её:

— Клара.

— Да?

— Вы сегодня выглядите уставшей.

Она слегка удивилась.

— Всё в порядке.

— Это не ответ.

— Просто плохо спала.

Эдвард некоторое время смотрел на неё, затем указал на кресло напротив стола.

— Присядьте на минуту.

— У меня ещё документы...

— Документы подождут.

Клара села. Он налил ей воды из графина и подвинул стакан.

— Вы слишком много работаете.

— Мне нравится моя работа.

— Я знаю. Но это не означает, что вам следует забывать обо всём остальном.

Она тихо поблагодарила его. Эдвард вернулся к папке, и разговор закончился так же естественно, как начался.

Клара задержалась в кабинете ещё на несколько секунд.

Иногда ему удавалось быть удивительно внимательным. Он замечал мелочи, которые другие люди пропускали, помнил её предпочтения и никогда не забывал о важных для неё датах.

Возможно, именно поэтому ей было так трудно отделить благодарность от чего-то большего, но Клара давно научилась не путать его доброту с обещанием.

Она поднялась, пожелала ему хорошего дня и вышла.

В половине первого я встретил Артура Беннета возле аптеки.

Он стоял у входа и разговаривал с пожилым мужчиной, которого я смутно помнил по местному теннисному клубу. Увидев меня, Беннет закончил разговор и направился в мою сторону.

— Вы сегодня свободны? – спросил он.

— Вопрос философский или практический?

— Я хотел бы поговорить.

— Вы уже говорили со мной вчера.

— И, как выяснилось, недостаточно.

Мы направились к небольшой скамейке напротив аптеки.

Беннет выглядел раздражённым. Впрочем, он выглядел раздражённым даже в те дни, когда у него не было причин для этого.

— Вы были у Эдварда? – спросил я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не хочет меня видеть.

— Вы могли бы хотя бы попытаться.

— Я пытался. Дважды.

Он достал из кармана очки и протёр их краем шарфа.

— Знаете, что меня больше всего раздражает в Моррисоне?

— Уверен, вы сейчас перечислите.

— Он всегда считал, что может решить за всех остальных, что им следует знать.

Я посмотрел на него.

— Разве это не обычная привычка людей, занимающих руководящие должности?

— Не в том случае, когда от их решений зависят чужие жизни.

На несколько секунд между нами повисла тишина.

— Вы снова говорите о Кэтрин? – спросил я.

Беннет резко повернулся ко мне.

— Вы были в библиотеке?

— Да.

— И что сказала миссис Фостер?

— Что Эдвард приходил туда незадолго до исчезновения девушки.

Беннет отвёл взгляд.

— Значит, она всё-таки помнит.

— А вы ожидали обратного?

— Я надеялся, что она забыла.

Он поднялся со скамейки.

— Некоторые вещи лучше оставить в прошлом.

— Вы ведь сами вчера начали этот разговор.

— Вчера я совершил ошибку.

— Какую именно?

Беннет посмотрел на меня с усталостью.

— Решил, что спустя двадцать лет кто-нибудь наконец захочет услышать правду.

Он поправил пальто и направился к перекрёстку. Я остался сидеть.

Пожалуй, доктор Беннет был одним из тех людей, которые слишком долго хранили молчание и теперь не знали, как с ним расстаться.

В шесть часов Клара действительно пришла к Софи.

Цветочный магазин уже закрылся. На прилавке стояла небольшая ваза с белыми хризантемами, а за окном медленно темнело.

Софи переоделась в домашний свитер и поставила на стол две чашки.

— Я уже начала думать, что ты не придёшь.

— Я же обещала.

— Ты обещала постараться.

— И постаралась.

Софи пододвинула ей чашку.

— Ну, рассказывай.

— О чём?

— О том, почему у тебя последнее время такое лицо, будто ты пытаешься одновременно решить уравнение и спасти мир.

Клара улыбнулась.

— Просто много работы.

— Это я уже слышала.

— Тогда у меня закончились объяснения.

Софи внимательно посмотрела на подругу.

— Это опять из-за Эдварда?

Клара не ответила сразу.

— Не совсем.

— Значит, всё-таки из-за него.

— Софи, пожалуйста.

— Хорошо. Не буду спрашивать.

Она отпила кофе.

— Но ты ведь понимаешь, что можешь говорить со мной не только о работе?

— Понимаю.

— И не только о нём?

Клара опустила глаза.

— Да.

Софи не стала продолжать.

Они поговорили о магазине, о предстоящей ярмарке и о том, что в этом году осень выдалась особенно дождливой. Софи рассказала о покупательнице, которая полчаса выбирала цветы для человека, которого терпеть не могла, а Клара впервые за несколько дней рассмеялась по-настоящему.

Когда она уходила, Софи обняла её на прощание.

— Не пропадай, ладно?

— Не пропаду.

— И хотя бы иногда вспоминай, что у тебя есть жизнь за пределами кабинета мистера Моррисона.

— Постараюсь.

— Вот это уже лучше.

К вечеру Иствуд снова стал тихим.

Я сидел дома и перебирал бумаги, когда заметил на столе конверт, который принёс накануне.

Тот самый без обратного адреса. Я уже несколько раз перечитывал вложенную записку, но ничего нового в ней не обнаружил.

«Некоторые истории не заканчиваются только потому, что о них перестали говорить».

Весьма выразительная фраза. Почти литературная. Я перевернул лист и посмотрел на пустую обратную сторону.

Кто-то в Иствуде явно решил, что прошлое заслуживает внимания, что ж, возможно, он был прав.

Только вот у прошлого есть одна неприятная особенность: оно редко возвращается в одиночку, а люди, которые слишком долго делают вид, что ничего не помнят, иногда обнаруживают, что окружающие помнят за них.

Глава 7. То, о чём не спрашивают

Иствуд, 16 октября

Есть люди, которые умеют хранить секреты, есть люди, которые умеют хранить чужие секреты и есть Эдвард Моррисон, который, судя по всему, считал, что эти два занятия дают ему право распоряжаться всем остальным. Впрочем, справедливости ради, он никогда не производил впечатления человека, которому легко даётся доверие. Он был из тех, кто предпочитает держать все двери закрытыми, а ключи – при себе, даже если за дверью находится всего лишь кладовая.

Утром я встретил его возле городской библиотеки. Он стоял у входа, застёгивая пальто, и разговаривал с пожилой женщиной. Та что-то оживлённо объясняла, размахивая руками, а Эдвард слушал с привычным выражением терпеливого внимания.

Я собирался пройти мимо, но он заметил меня.

— Доброе утро, – произнёс он.

— Доброе, Эдвард. Не ожидал вас здесь увидеть.

— А я не ожидал, что моё присутствие в библиотеке станет событием.

— В Иствуде даже погода иногда становится событием.

Он улыбнулся и попрощался с женщиной.

— Вы по-прежнему интересуетесь историей нашего города?

— История города – единственное, что меняется реже, чем погода.

— Тогда вам стоит написать книгу.

— Я предпочитаю не вмешиваться в чужие воспоминания.

Эдвард поправил перчатки.

— Разумное решение.

Мы направились к небольшой площади. Он шёл неторопливо, словно совершенно не спешил возвращаться к своим делам.

— Кстати, – сказал я, – недавно я разговаривал с миссис Фостер.

Его шаг на мгновение замедлился.

— С библиотекарем?

— С бывшим библиотекарем. Она многое помнит.

— Это вполне естественно. У неё хорошая память.

— В частности, она помнит Кэтрин Блейк.

Эдвард остановился: не резко, не настолько, чтобы прохожий обратил внимание, просто перестал идти, словно внезапно вспомнил, что забыл что-то важное.

— И что именно она вам рассказала?

— Что Кэтрин собиралась уехать. Изучала итальянский, откладывала деньги, кажется, даже купила билет.

— Да, – произнёс Эдвард. – Она собиралась уехать.

Я посмотрел на него.

— Вы её помните?

— Разумеется.

— Хорошо знали?

Эдвард задумался.

— Достаточно, чтобы помнить её планы.

— Вы ведь приходили в библиотеку незадолго до её исчезновения?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Кто вам это сказал?

— Миссис Фостер.

— Понятно.

Он снова двинулся вперёд.

— Я действительно был там. Это не секрет.

— И о чём вы разговаривали?

— О разных вещах.

— Например?

Эдвард остановился возле газетного киоска и повернулся ко мне.

— Вы всегда задаёте столько вопросов?

— Только когда собеседник так старательно избегает ответов.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Тогда, боюсь, у нас с вами будет много поводов для разочарования.

Он попрощался и направился к парковке. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Возможно, я задал слишком много вопросов, возможно, Эдвард просто не любил вспоминать события двадцатилетней давности, но была одна деталь, которую я не мог не отметить: он не спросил, почему меня заинтересовала Кэтрин, он спросил, что именно мне рассказала миссис Фостер. Разница, согласитесь, небольшая, но именно эта деталь меня насторожила.

В кафе Маргарет было почти пусто. Она раскладывала свежие салфетки, когда я вошёл.

— Вы сегодня рано, – заметила она.

— У меня появилось подозрение, что ранние часы полезны для здоровья.

— Тогда вы зря пришли ко мне. Здесь подают пироги.

Я заказал чай и сел у окна. Маргарет принесла чашку и задержалась возле столика.

— Видели Эдварда?

— У библиотеки.

— И как он?

— Как обычно.

— Это не ответ.

— Сегодня все требуют от меня определённости.

Маргарет села напротив.

— Вчера вечером он звонил мне.

— По какому поводу?

— Спрашивал, не приходил ли кто-нибудь в гостиницу и не интересовался ли старым альбомом.

Я поднял глаза.

— И вы сказали?

— Что приходили.

— Вы упомянули меня?

— Разумеется. Я не собираюсь лгать ради вас, даже если вы мне симпатичны.

— Какая трогательная преданность правде.

— Не привыкайте.

Я задумался.

— Он спрашивал, кто именно смотрел альбом?

— Да. Особенно интересовался фотографиями старых городских мероприятий.

— И что вы ответили?

— Что вы смотрели фотографии, ничего необычного.

Маргарет помолчала.

— Знаете, я ведь давно знаю Эдварда. Он никогда не был человеком, который любит обсуждать прошлое. Но раньше это не выглядело так, будто он чего-то боится.

— А теперь?

— Теперь я не уверена.

Она поднялась, чтобы обслужить вошедшую посетительницу. Я остался за столиком.

Похоже, Эдвард Моррисон всё-таки заметил, что его прошлое перестало быть исключительно его личным делом.

Клара Уитмор обнаружила папку случайно.Вернее, она обнаружила её потому, что Эдвард попросил найти документы по старому благотворительному проекту. Папка лежала в нижнем ящике шкафа, среди бумаг, которые давно не использовались.Клара достала её, положила на стол и начала проверять содержимое: старые отчёты, письма, несколько фотографий с мероприятий, список пожертвований.Она уже собиралась убрать всё обратно, когда заметила конверт: он был тонким, пожелтевшим по краям и не имел никакой надписи.

Клара открыла его, внутри лежало несколько листов. Она пробежала глазами первый, затем второй, на одном из них встретилась фамилия Блейк. Клара остановилась, она помнила это имя. В последние дни оно слишком часто звучало в разговорах, которые Эдвард предпочитал прекращать.

Она не стала читать дальше, вместо этого аккуратно сложила бумаги и вернула их в конверт. В этот момент открылась дверь.

— Нашли?

Эдвард стоял на пороге.

— Да, сэр. Папка с документами находится здесь.

Он посмотрел на стол.

— Что вы делали?

— Проверяла содержимое. Вы просили найти отчёты за прежние годы.

Эдвард подошёл ближе.

— Вы открывали этот конверт?

Клара посмотрела на него.

— Да. Я искала документы по проекту.

Он протянул руку, она передала ему конверт. Эдвард убрал его в папку и закрыл ящик.

— В следующий раз не трогайте старую корреспонденцию, пожалуйста.

— Конечно.

Он произнёс это спокойно, но Клара заметила, как крепко он сжал папку.

— Это личные бумаги? – спросила она.

— Да.

— Понимаю.

Эдвард поставил папку на полку.

— Спасибо, Клара. На сегодня можете быть свободны.

Она кивнула и вышла. В коридоре Клара остановилась, ей не давала покоя фамилия, которую она успела прочитать. Блейк.

Она не знала, что именно связывало Эдварда с этой девушкой. Но впервые за долгое время ей показалось, что некоторые вещи в этом доме лучше не оставлять без внимания.

После обеда я решил заглянуть в библиотеку.Миссис Фостер сидела за стойкой и раскладывала книги, возвращённые читателями.

— Опять вы, – сказала она, заметив меня.

— Начинаю думать, что вам не нравится моё общество.

— Мне нравится общество людей, которые возвращают книги вовремя.

— Тогда у нас с вами разные представления о прекрасном.

Она улыбнулась. Я присел возле стойки.

— Я сегодня встретил Эдварда Моррисона.

— И как он?

— Всё такой же вежливый.

— Это у него хорошо получается.

— Он помнит Кэтрин.

Миссис Фостер перестала раскладывать книги.

— Конечно, помнит.

— Вы уверены?

— Я же говорила вам, что он приходил сюда перед её исчезновением.

— Да, но я хотел спросить кое о чём другом. Вы помните, о чём они разговаривали?

Она задумалась.

— Не всё. Это было давно, но помню, что разговор был довольно долгим.

— Они спорили?

— Не думаю. Хотя Кэтрин после этого выглядела расстроенной.

Я не стал торопить её.

— Она была хорошей девочкой, – продолжила миссис Фостер. – Немного упрямой, но хорошей. Всё время говорила об Италии, о том, что однажды обязательно уедет.

— Эдвард пытался её отговорить?

— Не знаю. Я не слышала всего разговора.

— Но вы заметили, что она была расстроена?

— Да.

Она вздохнула.

— Знаете, что самое странное? После её исчезновения я долго ждала, что она вернётся. Думала, однажды откроется дверь, она войдёт и скажет, что всё это время просто путешествовала.

— Так бывает.

— Только с годами начинаешь понимать, что некоторые люди не возвращаются.

Я посмотрел на книжные полки.

— А Эдвард после этого ещё приходил?

— Да. Но не сразу.

— Когда?

— Через несколько недель, кажется.

— И что ему было нужно?

Миссис Фостер посмотрела на меня.

— Он спрашивал, не оставляла ли Кэтрин что-нибудь в библиотеке.

Я почувствовал, как разговор стал интереснее.

— И оставляла?

— Не знаю. Я тогда уже не работала каждый день, но помню, что он был очень настойчив.

— Что именно он искал?

— Он не сказал.

Она вернулась к книгам, я поблагодарил её и вышел.

Всё больше людей в Иствуде начинали вспоминать то, о чём предпочитали молчать и почти каждый из них так или иначе выводил меня к одному и тому же человеку - Эдварду Моррисону.

Вечером я снова достал старую фотографию, на этот раз меня интересовал не сам Эдвард, не Беннет и даже не молодая женщина, стоявшая за их спинами. Меня интересовало выражение лица Эдварда: он смотрел прямо в объектив и улыбался: уверенно, спокойно, почти беззаботно.

Так улыбаются люди, которые знают, что фотография останется после них.

Я положил снимок на стол, потом достал записку, полученную накануне:

«Некоторые истории не заканчиваются только потому, что о них перестали говорить».

Кто-то явно хотел, чтобы я занялся прошлым Моррисона и, судя по всему, сам Эдвард тоже не собирался оставаться в стороне.

Впрочем, я никогда не любил делать поспешные выводы, особенно когда речь шла о людях, которые умели так хорошо выглядеть на старых фотографиях.

Глава 8. Чужая версия правды

Иствуд, 17 октября

В Иствуде существовало несколько способов испортить себе утро: можно было обнаружить, что сосед припарковал автомобиль перед твоими воротами, можно было получить счёт за отопление, встретить бывшую жену в продуктовом магазине, особенно если она была не одна, но самым надёжным способом оставалось приглашение на субботний обед к Эдварду Моррисону.

Не потому, что Эдвард плохо готовил. Насколько мне известно, он вообще никогда не готовил, но не потому, что его дом был неуютным, напротив, поместье Моррисонов выглядело именно так, как должен выглядеть дом человека, который всю жизнь старался произвести правильное впечатление. Проблема заключалась в самом хозяине.

Эдвард умел превратить обычный разговор в собеседование, семейный обед – в дипломатическую встречу, а простое «как ваши дела?» – в вопрос, на который почему-то хотелось отвечать как можно короче. Впрочем, в субботу ему предстояло принимать племянницу и, судя по всему, радости это не вызывало.

Клара узнала об этом в половине девятого. Она принесла Эдварду кофе, положила на стол документы и сообщила расписание на день.

— В одиннадцать часов звонок из фонда. В двенадцать мистер Харрис подтвердил встречу на пятницу. И ещё я подготовила бумаги, которые вы просили.

— Хорошо.

Эдвард перелистывал газету.

— Мистер Моррисон, Элизабет подтвердила приезд на субботу.

— Я помню.

— Она спрашивала, нужно ли ей что-нибудь привезти.

— Нет.

Клара сделала пометку.

— Тогда я отвечу, что всё готово.

— Ничего не нужно готовить, Клара.

Она подняла глаза.

— Простите?

— Никакого особенного обеда, никаких гостей, никаких попыток превратить обычный визит в семейное торжество.

— Я не собиралась...

— Я знаю, просто хочу, чтобы всё прошло спокойно.

Клара кивнула.

Она уже привыкла к тому, что Эдвард иногда говорил с ней так, словно заранее отвечал на вопросы, которые она ещё не успела задать.

— И ещё, – добавил он. – Если Элизабет спросит о старых документах, скажите, что я занят.

Клара на секунду замерла.

— О каких именно документах?

Эдвард медленно сложил газету.

— О любых, которые её заинтересуют.

— Хорошо.

— Спасибо.

Она вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь, на столе осталась чашка кофе, к которой Эдвард так и не притронулся.

Артур Беннет позвонил мне около одиннадцати.

— Вы можете встретиться сегодня?

— Зависит от того, насколько срочно.

— Достаточно срочно.

— Вы снова собираетесь говорить об Эдварде?

— Да.

— Тогда, полагаю, лучше встретиться в кафе, там хотя бы будет возможность заказать что-нибудь крепкое.

— Не шутите.

— Я и не начинал.

Мы договорились встретиться через двадцать минут.

Беннет уже сидел за столиком, когда я вошёл. Перед ним стояла чашка чая, к которой он, судя по всему, не притронулся.

— Вы выглядите хуже, чем вчера, – заметил я.

— Благодарю.

— Не за что.

Я заказал кофе и сел напротив.

— Итак?

Беннет некоторое время молчал.

— Я знаю, что вы интересуетесь Кэтрин.

— Это уже не особенно большая тайна.

— Вы должны быть осторожны.

— С кем?

Он посмотрел на меня так, словно ответ был очевиден.

— С Эдвардом.

Я сделал глоток кофе.

— Вы считаете его опасным?

— Я считаю, что вы совершенно не представляете, насколько хорошо он умеет скрывать то, что ему невыгодно.

— Вы говорите так, будто знаете его с другой стороны.

— Я знаю его почти сорок лет.

— И всё это время он был таким?

Беннет покачал головой.

— Нет. Когда-то он был другим.

— Что изменилось?

— Я не знаю, возможно, люди не меняются, а возможно, мы просто слишком поздно замечаем, какими они были на самом деле.

Он посмотрел в окно.

— Вы помните, что произошло после исчезновения Кэтрин?

— Вы говорили, что Эдвард приходил в библиотеку.

— Это не всё.

Я поставил чашку на блюдце.

— Продолжайте.

— Через некоторое время после её исчезновения Эдвард попросил меня помочь ему с одним делом.

— Каким?

— Он хотел, чтобы я подтвердил кое-какие обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

Беннет провёл ладонью по лицу.

— Он сказал, что Кэтрин собиралась уехать, что у неё были планы, что она хотела начать новую жизнь и что её исчезновение не должно вызывать лишних вопросов.

— Вы согласились?

— Тогда я не видел причин ему не верить.

— А потом?

— Потом я понял, что некоторые вещи не сходятся.

— Какие именно?

Беннет посмотрел на меня.

— Этого я пока не готов вам рассказать.

Я усмехнулся.

— Удивительно, вы сами просите меня быть осторожным, сами начинаете разговор и тут же отказываетесь его продолжать.

— Потому что я не уверен, кому можно доверять.

— Весьма неприятное состояние.

— Особенно в нашем возрасте.

Он поднялся, оставив на столе несколько монет.

— Если вы продолжите копаться в этой истории, не делайте этого в одиночку.

— Вы предлагаете помощь?

— Я предлагаю не совершать моих ошибок.

И ушёл. А я остался сидеть, глядя на остывающий кофе.

Доктор Беннет был человеком, который явно знал больше, чем говорил. И, что ещё интереснее, он, похоже, боялся не только прошлого, но и того, что оно может повториться.

Днём в кафе Маргарет было шумно. За дальним столиком спорили о местных выборах, возле стойки обсуждали цены на продукты, а один из постоянных посетителей уже в третий раз рассказывал историю о том, как двадцать лет назад едва не стал владельцем футбольного клуба.

Маргарет слушала его с выражением человека, который слышал эту историю столько раз, что мог бы пересказать её даже спросонья в три часа ночи.

Я заказал чай.

— Вы опять выглядите задумчивым, – сказала она.

— У меня сложный характер.

— У вас слишком много свободного времени.

— Это тоже.

Она поставила передо мной чашку.

— Кстати, Эдвард сегодня заходил.

— Вы с ним теперь встречаетесь чаще, чем с собственными родственниками.

— Не завидуйте. Он был не в настроении.

— А когда он бывает в настроении?

Маргарет проигнорировала вопрос.

— Спрашивал, не появлялся ли здесь доктор Беннет.

— И что вы ответили?

— Что появлялся.

— Он расстроился?

— Нет. Просто поблагодарил и ушёл.

Я посмотрел на неё.

— Вы заметили что-нибудь необычное?

Маргарет задумалась.

— Он оставил на стойке перчатки.

— И?

— Через минуту вернулся за ними.

— Это преступление?

— Нет, но он обычно не забывает вещи.

Я улыбнулся.

— Возможно, стареет.

— Возможно, – согласилась Маргарет. – Только почему-то мне кажется, что дело не в возрасте.

Она ушла обслуживать посетителей. Я допил чай и вышел на улицу.

В Иствуде люди всё чаще замечали странности в поведении Эдварда Моррисона и всё чаще обсуждали их между собой. Сам Эдвард, вероятно, считал это неприятным, но временным неудобством. Он ошибался.

К вечеру Клара закончила работу позже обычного.Она задержалась в кабинете, разбирая бумаги, которые Эдвард попросил подготовить к следующей неделе.Когда часы пробили семь, она закрыла ежедневник и собралась уходить.Из кабинета донёсся голос Эдварда:

— Клара, вы ещё здесь?

Она вернулась. Эдвард стоял возле окна.

— Да, сэр.

— Вы не забыли отправить письмо мистеру Харрису?

— Нет. Оно было отправлено сегодня утром.

— Хорошо.

Он повернулся к ней.

— Вы давно знаете Элизабет?

— Несколько лет. Мы встречались на семейных мероприятиях.

— И какое у вас о ней впечатление?

Клара не сразу ответила.

— Она умная, иногда резкая, но, думаю, у неё есть причины.

— У каждого есть причины, Клара, но это не всегда делает их поступки разумными.

— Возможно.

Эдвард подошёл к столу.

— Она может задавать вопросы о Кэтрин Блейк.

Клара почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— О девушке, которая исчезла двадцать лет назад?

Эдвард посмотрел на неё.

— Вы слышали это имя?

— Да, кажется, доктор Беннет упоминал его.

— Беннету следовало бы научиться держать язык за зубами.

Он произнёс это негромко, почти устало. Клара ничего не ответила.

— Если Элизабет заговорит об этой истории, не вмешивайтесь, – продолжил Эдвард. – Это не ваше дело.

— Хорошо.

— И, Клара...

— Да?

— Не позволяйте чужому любопытству втягивать вас в неприятности.

Она кивнула и вышла. На этот раз она не задержалась в коридоре.

Вечером я получил ещё одно письмо. Оно лежало в почтовом ящике, среди рекламных листовок и счетов. Конверт был обычным, без обратного адреса.

Я открыл его уже дома. Внутри находился один лист бумаги. Всего одна строка: *«Не все, кто молчит, невиновны».*

Я перечитал её дважды, потом положил лист рядом с предыдущей запиской.

Кто-то в Иствуде явно решил, что мне следует заняться этим делом. И, судя по всему, у этого человека было своё представление о том, кому именно следует уделить внимание.

Я посмотрел на календарь. До субботы оставалось два дня. Два дня до семейного обеда, который Эдвард Моррисон, вероятно, уже ненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.